

Исходная страница:

<http://intersectionproject.eu//ru/article/economy/stabilnyy-no-nespokoynyy-2017-yy-v-rossiyskoy-ekonomike>

• Автор: [Владислав Иноземцев](#)

[Стабильный, но беспокойный: 2017-ый в российской экономике](#)

Заканчивается 2017-ый год, наступления которого многие опасались – кто по сугубо рациональным, кто по конспирологическим, а кто и чуть ли не по оккультным соображениям. И нельзя не признать: заканчивается он без всяких серьезных потрясений – ведь мало кто сочтет таковыми посадку неудачливого министра или продолжающееся потрошение давно вышедшего из фавора олигарха. В остальном год прошел на удивление «стабильно» – роста экономики почти не случилось (если в декабре будут отмечены такие же темпы спада [как в ноябре](#), то по итогам года он может оказаться в пределах 1,4%); располагаемые денежные доходы также практически не изменились (-1,3% [за январь-октябрь](#)); инфляция резко замедлилась до 2,5% – [исторического минимума](#) в новейшей российской истории; и даже доллар и фондовый рынок закончили год в той же точке, где и начали (рубль подорожал на 3,2%, а индекс RTS снизился на 4,1%).

Однако за этой стабильностью скрывались довольно масштабные, если не сказать тектонические, сдвиги, которым комментаторы ни в течение года, ни при подведении его итогов не уделяли и не уделяют должного внимания. Практически не изменившаяся экономическая ситуация, сформировавшаяся

как равнодействующая нескольких мощных сил, стала итогом больших inward and outward flows (входящих и исходящих потоков – прим. ред.), значение которых не стоит недооценивать.

Прежде всего нельзя пройти мимо «нашего всего» – нефти. Она лениво дорожала весь год, поддерживаемая как крайне оптимистическими ожиданиями бизнеса в США и Европе, так и достаточно умелым лавированием членов ОПЕК и примкнувшей к ним России. Результату можно только порадоваться: прирост за год составил почти 20% (с \$54,1 до \$64,5/баррель). Чтобы эта цифра не выглядела абстрактной, стоит заметить, что Россия на протяжении года экспортировала около 260 млн тонн нефти и почти 155 млн тонн нефтепродуктов – так что отечественный экспорт по стоимости вырос не менее чем на \$23,5 млрд (или 1,35 трлн рублей, что эквивалентно почти 10% доходной части бюджета). Эти деньги – даже если рост цен остановится в 2018 году – будут еще довольно долго «растекаться» по экономике и просачиваться в ее укромные уголки, доставляя жизнь туда, откуда она по всем правилам должна была уйти. Нефть (про газ и другие виды сырья, цены на которые в течение года тоже росли, я не говорю) оказалась первой «капельницей», которая поддерживала большую российскую экономику на протяжении уходящего года.

Вторым катетером были государственные расходы – и они были очень немаленькими по сравнению с прошлыми периодами. В 2016 году федеральный бюджет потратил на «оборонку» самую большую сумму в истории – 3,82 трлн рублей – и не менее пятой ее части было проведено через казначейство в самом конце прошлого года и потому «усваивалось» экономикой уже в 2017-ом. Также в конце 2016 года была произведена хитроумная проводка 692 млрд рублей, скрывавшая «приватизацию» 19,6% акций «Роснефти» – эти деньги также пролились бюджетным дождем уже в текущем году. Крупные госкомпании, хотя и не выплатили правительству ожидавшихся дивидендов, существенно (почти на 400 млрд рублей) увеличили инвестпрограммы. Наконец, 2017 год стал самым впечатляющим после 2013-го по масштабам расходования бюджетных средств на инфраструктуру – на этот год пришелся пик строительно-монтажных работ на Крымском мосту и завершение основного строительства на объектах Чемпионата мира по футболу. Конечно, ценой всего этого стало существенное сокращение резервных фондов, а масштаб проблем иллюстрируется продлением заморозки накопительной части пенсии не на год, [а теперь сразу на два](#), но так или иначе дополнительные 1,7-2,0 трлн рублей в экономику «от государства» пришли.

Третью толстую иглу расчехлил Банк России, чьи усилия по «зачистке» банковской системы принесли наконец достойные плоды. Команда Набиуллиной превзошла саму себя – на протяжении этого года на «банковском небосклоне» потухли звезды «Югры», «Открытия», «БИНа» и «Промсвязьбанка», не считая менее ярких звездочек. Однако следствием их проблем стало появление на рынке значительного объема ликвидности – лишь в «Открытие» по состоянию на конец августа [ЦБ влил более 1 трлн рублей](#). Если перевести на понятный язык, окажется, что эти деньги стали чистой эмиссией, которую Банк России осуществлял в течение года сначала в направлении Агентства по страхованию вкладов, а позже в пользу Фонда консолидации банковского сектора, и которая на протяжении всего года воплотилась в сумме, явно превышающей 1,5 трлн рублей. Учитывая, что значительная часть тех средств, с нехваткой которых «неожиданно столкнулись» вышеупомянутые банки, была предварительно вложена в низколиквидные проекты их собственников и по сути уже «переварена» экономикой, Банк России можно считать по итогам года никак не менее значимым агентом поддержания хозяйственного роста, чем глобальных нефтетрейдеров и федеральный бюджет вкупе с госкомпаниями.

Итак, российская экономика продемонстрировала в уходящем году невиданные 1,5 (+/-)% роста (что соответствует 1,2-1,4 трлн рублей, исходя из прошлогоднего ВВП в 85,9 трлн рублей) в условиях, когда из разных источников в нее было «впрыснуто» как минимум 4,4 трлн. Могу ошибиться, но этот результат трудно назвать впечатляющим – однако всему в мире есть свое объяснение.

Вспомним Байкал – озеро, по праву считающееся одним из символов России. В него впадают 336 рек и речушек, а вытекает одна Ангара. Нечто подобное происходит и со всей страной. Я, разумеется, имею в виду одну из основных бед России – отток капитала. Буквально несколько дней назад прогноз Банка России был радикально повышен – с \$17 до \$29 млрд (т.е. без малого [до 2 трлн рублей](#)), причем только за третий квартал вывоз капитала корпоративным сектором достиг \$14 млрд. Конечно, можно сравнить нынешние темпы с показателями 2014-го года и они покажутся ничтожными, но я бы рекомендовал обратить внимание на несколько иные сопоставления.

В экономике часто происходят резкие движения, которые довольно сложно прогнозировать – и поэтому правильнее рассматривать тренды, складывающиеся на достаточно больших временных отрезках. И если мы сравним, например, 2000-е годы с 2010-ми, то откроется довольно неприятная картина. За десять лет с 2001 по 2010 год нетто-отток капитала из России составил \$120,1 млрд; при этом в 2007 и 2008 годах наблюдалось массивное положительное сальдо капитального счета. Все это значит, что в среднем в год «уходило» \$12 млрд. Если сравнить с ситуацией в 2010-х (когда ни о каком притоке капитала не приходилось и мечтать), то окажется, что даже самый благополучный в данном отношении год, 2016-ый, с его \$15,4 млрд, заметно превышает средние значения предшествующего десятилетия. Сухие цифры центробанковской статистики свидетельствуют: за семь последних лет из страны ушло \$450,2 млрд, или по \$64,3 млрд ежегодно – в 5,35 раза больше, чем в 2000-е. При этом можно поддаться соблазну – который часто посещает руководителей страны – и посчитать все в рубле (курс которого к доллару существенно упал на протяжении рассматриваемого периода), и тогда мы вынуждены будем признать, что с 2011 года из страны уходит в среднем в 11 раз больше денег, чем утекало ежегодно в самом успешном нашем десятилетии – в 2000-х.

Иначе говоря, под относительно спокойной «поверхностью» озера (не путать с одноименным кооперативом), которому можно уподобить российскую экономику, на протяжении уходящего года отмечались мощные течения, общим итогом которых стал небольшой подъем «уровня воды», который, однако, трудно считать необратимым. Тот же Банк России подчеркивает, что отток капитала в последние годы прежде всего обусловлен возвратом российскими компаниями и банками ранее привлеченных внешних заимствований – а их остаток составлял на 1 октября 2017 года [\\$486 млрд](#), и рефинансирования в нынешних условиях ждать не приходится. Если предположить, что цены на нефть достигли «потолка», задаваемого рентабельностью сланцевой добычи; резервные фонды во многом исчерпаны; крупных инвестпрограмм не предвидится; да и практически все частные банки уже «зачищены» – становится сложно перечислить потоки, которые могли бы подпитывать российскую экономику в 2018 году.

Не рискну предсказывать какие-то катастрофические события, которые могут ждать Россию в наступающем новом году – тем более что у властей всегда есть в запасе довольно действенные средства типа девальвации, да и при низких инфляционных ожиданиях потрясения случаются довольно редко. Но хочу подчеркнуть, что в отличие от российской политики, в которой давно уже нет места оппозиции и все решает один человек, в экономике даже невиданная ранее стабильность является следствием не столько прекращения внутреннего движения, сколько его активизации. И именно поэтому мне продолжает казаться, что в ближайшей перспективе не политические перемены будут подталкивать экономические реформы в стране, а мощные сдвиги в экономике – ускорять политические преобразования. Именно этому нас учит завершающийся год – год, который был стабильным, но беспокойным.

теги

[economics](#)

категории

[Economy](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu